

Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 33–38.
Izvestiya of Altai State University. 2026. No 3 (149). P. 33–38.

Научная статья

УДК 94(73)

ББК 63.3(7Сое)6-6

[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-04)

«Два отца нации»: восприятие социальной и политической роли императора в письмах японцев Д. Макатуру в период американской оккупации

Павел Сергеевич Костин

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, kostin.p.s@yandex.ru

Original article

“Two Fathers of the Nation”: Perception of the Emperor’s Social and Political Role in Japanese Letters to D. MacArthur during the American Occupation

Pavel S. Kostin

Perm State National Research University, Perm, Russia, kostin.p.s@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике общественного восприятия императора Японии в первые месяцы периода американской оккупации. На основе анализа текстов писем японцев главе оккупационной администрации Д. Макатуру делается вывод, что в японском обществе в условиях послевоенной социальной и политической неопределенности сохранялась высокая степень поддержки института императора. Демонстрируется различие стратегий аргументации сторонников и противников сохранения императорской власти: привилегированные слои населения акцентировали внимание на «конструирующей» роли императора для японского общества и его символической значимости, тогда как широкие слои населения были склонны апеллировать к более эмоциональным и религиозным объяснениям, нередко подразумевающим «божественную природу» императора. Также автором было выявлено, что Д. Макатур, выступая в глазах японцев формальным лидером оккупации, наделялся рядом символических функций, доминирующей из которых являлась роль Макатура как своеобразного «отца» японцев наравне с императором.

Ключевые слова: Япония, император Хирохито, оккупация, Д. Макатур, США, идентичность, ценности

Abstract. The paper aims to characterize how Japanese people perceived the Emperor during the first months of American occupation. Based on the analysis of Japanese letters to D. MacArthur, the leader of the occupation, the author claims that public support for the Emperor of Japan remained particularly high even amid postwar political and social uncertainty. The author demonstrates differences in the reasoning of people who either supported or opposed the emperor: people from privileged social groups emphasized the importance of the emperor’s integrative function and his symbolic significance, whereas common people were inclined to believe more affective and religious interpretations, closely connected with the emperor’s “divine nature”. Besides, the author notes that D. MacArthur, who was believed to be the nominal leader of the occupation, was endowed with a specific figurative role as the “father” similar to that of the Emperor of Japan.

Keywords: Japan, Emperor Hirohito, occupation, D. MacArthur, USA, identity, values

Для цитирования: Костин П.С. «Два отца нации»: восприятие социальной и политической роли императора в письмах японцев Д. Макартуру в период американской оккупации // Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 33–38. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-04).

Период американской оккупации Японии в исследовательской литературе традиционно характеризуется через призму политических и экономических изменений, связанных с пересмотром законодательной базы японского государства. При этом политику оккупационной администрации также можно рассматривать в контексте ценностных трансформаций, где процессы демилитаризации и демократизации использовались для работы с социокультурными реалиями японского общества, выступали эффективным способом трансляции «новых» ценностей.

Значительное внимание оккупационной администрации в первые послевоенные месяцы уделялось вопросу о юридическом и символическом статусе императора Японии. Обсуждения его судьбы в конце и после войны зачастую проходили «за закрытыми дверями» [1, р. 71]. Поэтому потенциальное будущее института императора оставалось для большинства японцев загадкой даже после начала оккупации. В данном контексте возникает вопрос: как социально-политическая хаотичность первых месяцев оккупационного периода повлияла на общественное восприятие императора Японии, который до этого считался «ценностной детерминантой» нации [2, р. 334]. Применяемый в работе подход к изучению культуральной истории, предложенный П. Берком, позволяет в вопросах изучения идентичности акцентировать внимание на интерпретациях и символическом измерении культурных процессов, благодаря чему становится возможным провести анализ векторов трансформации ценностей японского общества после окончания Второй мировой войны на примере отношения к императору.

Упомянутая турбулентность японского общества после капитуляции милитаристского правительства стала одной из причин появления феномена «писем Макартуру»: за 7 лет оккупации японцы отправили в штаб-квартиру главнокомандующего оккупационными силами порядка 500 тысяч писем и открыток, адресованных лично американскому генералу. На фоне других подобных примеров «писем во власть» рассматриваемый кейс выделяет адресат писем. Генерал Д. Макартур, помимо формального руководства оккупационными силами союзников, принимал непосредственное участие в разработке и проведении реформ, напрямую взаимодействовал с ключевыми акторами японской политики [3, р. 7]. При этом еще несколько месяцев назад широкой общественностью Д. Макартур воспринимался

For citation: Kostin P.S. “Two Fathers of the Nation”: Perception of the Emperor’s Social and Political Role in Japanese Letters to D. MacArthur during the American Occupation. *Izvestiya of Altai State University*. 2026. No 3 (149). P. 33–38. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-04).

как идеологический враг, образ которого японская военная пропаганда использовала для придания боевым действиям характера беспощадной «расовой войны» и борьбы за выживание [4, р. 156]. Однако письма, отправленные Макартуру после окончания войны, зачастую отличались доброжелательным характером и даже носили лестный подтекст.

Данное несоответствие удивляло и самого Макартура: он интерпретировал подобное «обожание» традиционными элементами японской политической культуры, в частности, стремлением к авторитету и «сильной руке». Отдельно он отмечал «желание японцев учиться» и их «выдающиеся способности понимать» то, что им говорят [5]. Отношение Макартура во многом согласуется с результатами американских исследований, проводимых в годы войны с целью понять «японский характер». Одним из наиболее известных результатов данной политики стала работа антрополога Р. Бенедикт «Хризантема и меч», в которой автор предлагает широкий взгляд на истоки формирования и особенности японской культуры. Однако Р. Бенедикт, хоть и стремилась показать «человеческую сущность» японцев [6, с. 224], не смогла избежать излишней стереотипизации при описании общественных процессов в Японии: «Иерархические обыкновения каждый японец постигает прежде всего в своей семье, и усвоенное здесь он применяет в более широких областях экономической жизни и управления» [7, с. 42]. Упрощенное представление о «патерналистском» характере японского общества, таким образом, уже было распространено среди представителей американской оккупации. Содержание писем лишь подтвердило их уверенность в «пассивности» японцев и не привело к значительной корректировке американской позиции по послевоенному устройству Японии, особенно учитывая тот факт, что решение о сохранении института императора к моменту отправки первых писем уже было принято.

Однако подобная ориенталистская оценка не учитывает контекст разворачивавшихся в переходный период событий. Милитаристское правительство Японии максимально ограничивало каналы взаимодействия и коммуникации между властью и обществом [8, р. 56]. Именно поэтому прибытие на берега японских островов «армии освобождения» воспринималось как новое начало, как возможность сбросить груз ужасов военных лет и начать с чистого листа. Поэтому американское руководство не стало пресекать инициативу, особенно в условиях недостаточной

информированности о специфике японской политической действительности.

Одним из наиболее часто встречающихся в письмах сюжетов стало положение императора, который исторически воспринимался японским обществом как одна из детерминант структуры идентичности. Результатом реформ Мэйдзи и распространения идеологии «Кокутай» стало повышение его символической роли как главы государства. Укорененный в общественном сознании статус «проигравшей стороны» в совокупности с целенаправленной информационной политикой оккупационной администрации в первые послевоенные месяцы вполне определенным образом фреймировали новую структуру власти в Японии. Наиболее яркий пример подобного восприятия — реакция японского населения на известную фотографию Д. Макартура и императора Хирохито 27 сентября 1945 г. Исследователи сходятся во мнении, что японцы восприняли американского генерала как нового «властного актора», ответственного за определение курса дальнейшего развития японского государства, что могло означать угрозу понижения статуса императора [9, р. 51]. Сама возможность столь радикального изменения привлекла внимание в том числе и иностранных СМИ, где, что любопытно, акцентировали внимание на «официальном цилиндре Императора» в противовес «отсутствующему галстук у Генерала» [10].

Подобная неопределенность в отношении статуса императора побудила представителей самых разных слоев населения обратиться за объяснением к самому Д. Макартуру. Обширное общественное внимание к рассматриваемому сюжету строго локализовано во времени и в активной форме наблюдалось лишь несколько месяцев (с ноября 1945 по январь 1946 г.). После ряда рескриптов Хирохито, позже объединенных под общим названием «Декларация о человеческой природе», и принятия новой Конституции общественный интерес со временем угас [11].

Подавляющее большинство сохранившихся писем, собранных и опубликованных японским исследователем Содеи Риндзиро, содержали положительную оценку статуса и роли императора в японском обществе. Многие из писем были подписаны, благодаря чему становится возможным сопоставить социальный статус авторов и их стратегии аргументации. Легко объяснимым является обращение к «божественной природе» императора. Определенные слои японского общества даже в XX в. искренне верили в его исключительность и уникальность. Подобное восприятие подтверждается реакцией людей на публичные выступления Хирохито даже после развенчания мифа о его «божественной природе» [12, р. 191]. Поэтому неудивительно, что просьбы сохранить институт императора в некоторых письмах фактически превра-

щаются в молитвы или содержат частые апелляции к религиозным мотивам (здесь и далее авторская пунктуация и орфография сохранены): «Если что-нибудь случится с Его Величеством, мы утратим саму цель нашего существования. Государство без цели сродни буддийской статуе без души, и я не хочу видеть такое будущее» [13, р. 71].

Восприятие императора как «экзистенциальной основы» японского государства также является довольно распространенной стратегией аргументации. Некоторые авторы приравнивают возможные страдания императора и страдания всего японского народа, тем самым объединяя их в единую «сущность» [13, р. 63]. Один из авторов заходит еще дальше и обременяет императора заботой о счастье и мире для всех людей на планете [13, р. 69]. Для большинства написанных Макартуру писем характерны, во-первых, акцент на невинности императора в военных преступлениях и, во-вторых, обращение к задаче императора по сохранению мира в настоящем и будущем.

Стоит отметить, что не все авторы подходили к высказыванию своих идей исключительно в категориях религиозного фанатизма. Осмысленнее данные идеи были артикулированы в письмах представителей более образованных слоев населения. Представитель провинциальной интеллигенции в одном из самых длинных писем Макартуру писал: «...Императорская семья — это и есть сама японская нация. Абсолютное благоговение японцев перед лицом Его Величества может быть непонятным для иностранца. Но для японцев даже критиковать Императора считается непозволительным... Всем, кто объясняет это сохранившимся феодальным мышлением, лишь достаточно сказать: "снимите розовые очки и поучите историю Японии"» [13, р. 77]. В дальнейшем автор не раз возвращается к идее о том, что император является основным элементом процессов легитимации и репрезентации власти.

Содержание писем, таким образом, подтверждает распространенную идею о взаимозависимости социального слоя и возможных оснований поддержки института императора [14, р. 558]. Более привилегированные и более образованные люди, в том числе представители политической элиты, разделяли мнение о «конструирующей» роли императора, его символической значимости для политического и культурного единства, тогда как широкие слои населения придерживались более религиозных интерпретаций, основанных на «божественной природе» правящей особы.

В письмах периодически встречаются и негативные оценки роли императора. При этом важно понимать, что в условиях послевоенного хаоса для многих японцев было нелегко отказаться от господствовавшей среди широких слоев общества иррациональной привязанности к императору. Но гораздо труд-

нее было выступать с критикой или требованиями по-настоящему фундаментальных изменений. Так же, как и положительным реакциям, данному кластеру писем свойствен явно выраженный эмоциональный оттенок. Особенно примечательно то, что некоторые авторы уже тогда сопоставляли ситуации в нацистской Германии и милитаристской Японии. «Император Японии охотнее Гитлера отправил свою страну воевать. Если этот человек избежит наказания за военные преступления... все трибуналы окажутся бесполезными... Не обрезайте ветки — рубите ствол», — эти слова явно указывают на то, что отдельные представители японского общества были готовы к «грандиозным экспериментам» по переустройству оснований японского государства [13, р. 88]. Но все же подобных оценок в публичном пространстве было меньшинство. Практически идентичный слоган использовался более радикальными сторонниками левых идей, некоторые даже писали об этом Макатуру: «Никто, кроме Коммунистической партии, не сможет сокрушить упрямых сторонников Императора, империалистов и военных агрессоров, сделать из Японии демократическое государство» [13, р. 201]. Однако резкая и бескомпромиссная позиция японских коммунистов в отношении императора в конечном итоге лишь нанесла вред их репутации и отпугнула сторонников.

Принципиально иная линия критики связана со сложившейся к середине XX в. спецификой функционирования императорской власти как института. Осуждению подвергалось ближайшее окружение императора: «...никто из них не заботится об Императоре — они спасают себя... Если вы не избавитесь от Императора и продолжите манипулировать людьми, все ваши реформы забудут после вашего ухода» [13, р. 87]. Схожим образом обвинялись представители крупного бизнеса («дзайбацу»): «Японские политики — союзники дзайбацу, их политический курс бесчестен и бесчеловечен... сегодняшняя японская политика целиком покрыта плесенью» [13, р. 1].

Представленные примеры явно указывают на сложившийся в послевоенной Японии кризис легитимности власти, который напрямую отразился на первых «оккупационных» составах правительства. Их уровень общественной поддержки был низким из-за медленных темпов ротации элит и набравшей обороты информационной кампании США по максимально широкому освещению в СМИ военных преступлений японской армии, в том числе «прививанию вины» за ведение военных действий [15, с. 98]. В данном контексте публичность Д. Макатура и его показное желание слушать людей привели к формированию вокруг американского генерала своеобразного «культы личности» [16, р. 23]. Он стал для японцев прообразом примерного политика, умелого оратора и даже идеального мужчины.

«Погода в Японии не похожа на привычную Вам. Как же нелегко Вам, должно быть, приходится здесь находиться... Я молюсь, чтобы Вы заботились о себе и оставались в Японии до конца времен». Вполне вероятно, что рукой автора руководила не слепая вера в авторитеты, а прагматический интерес. Но наблюдаемое стремление к «обожанию» Макатура — не случайность или аномалия, а исторически зафиксированный феномен [17, р. 79]. Вместе с письмами генералу отправляли цветы, подарки, куклы и игрушки [13, р. 124]. Иногда корреспонденцию сопровождали нарисованные от руки портреты Макатура и поэзия в его честь [13, р. 148].

Интерпретировать столь высокий уровень общественного внимания можно по-разному. Наиболее удачной кажется попытка объяснить популярность генерала в связке с почитанием японским народом императора. В текстах газет и на фотографиях Макатур и Хирохито нередко были вместе. В общественном сознании они воплощали «союз» победителей и побежденных, нового и старого, инновационного и традиционного. И Макатуру, как фактическому лидеру оккупации, явно оказывалось схожее с императором почтение. Но также кажется вполне правдоподобным и то, что значительная часть авторов лишь решили удачно воспользоваться ситуацией. Если руководит и отдает приказы американская сторона, то выстраивание дружелюбных отношений с ней — потенциальный залог успешного существования в «Новой Японии». Для некоторых слоев населения, особенно тесно сотрудничавших с милитаристским правительством, данный вопрос стоял еще более остро: для них речь шла о потенциальном возвращении в публичное пространство, сохранении репутации или даже собственной жизни. «Милостью благочестивого генерала Макатура мы можем говорить свободно», — в данном поэтическом лозунге, предложенном в одной из отправленных генералу открыток, воедино сливаются обе интерпретации, подчеркивающие не только уникальное положение Макатура в структуре власти Японии оккупационного периода, но и иррациональный уровень его общественной поддержки [13, р. 2].

В заключение важно отметить, что образ «двух отцов нации» нельзя назвать устойчивым: на это прежде всего указывает стремительный характер его «деконструкции» вскоре после отставки Д. Макатура. Всего через месяц после отбытия из Японии Макатур на слушаниях в Сенате США заявил, что «по сегодняшним цивилизационным меркам японцы находятся на уровне 12-летнего мальчика по сравнению с нашим возрастным уровнем в 45 лет» [6, с. 300]. Вскоре после этого японская сторона прекратила реализацию планов по коммеморации деятельности Макатура в Японии, после чего к персоне американского генерала утратили интерес и сами японцы. Восприятие «двух отцов нации» явно способствовало более плавной послевоенной трансформации Японии и положительно сказалось

на успехах оккупационной администрации и послевоенного японского правительства, но вряд ли стоит искать долгосрочное влияние данной «конструкции» на процессы трансформации общественного сознания японцев: она ограничена лишь периодом оккупации, во время которого была стремительно сконструирована и столь же стремительно забыта после достижения поставленных японскими элитами целей.

Таким образом, неопределенность первых послевоенных месяцев не изменила господствовавшее в японском обществе восприятие императора как одной из «констант» политической жизни, что подтверждает проведенный анализ репрезента-

ции императора в письмах японцев Д. Макартуру. При этом закрепление свободы слова в результате процессов демократизации позволило быть услышанными и альтернативным мнениям, несмотря на то что пока они характеризовались относительной маргинальностью. Данные выводы соотносятся с существующей в современной историографии идеей о закреплении в первые послевоенные годы «эkleктичной» модели идентичности, в рамках которой новая либерально-демократическая «рамка» совмещалась с сохранением приверженности традиционным для Японии идеям лояльности авторитету [18, с. 83].

Библиографический список

1. Suzuki T. *The Rhetoric of Emperor Hirohito: Continuity and Rupture in Japan's Dramas of Modernity*. Newcastle-Upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 180 p.
2. Akira K. *The Emperor System as Japanese National Religion: The Emperor System Module in Everyday Consciousness* // *Japanese Journal of Religious Studies*. 1990. Vol. 17. № 2/3. P. 315–340.
3. Schaller M. *MacArthur's Japan: The View from Washington* // *Diplomatic History*. 1986. Vol. 10. № 1. P. 1–23.
4. Kushner B. *The Thought War: Japanese Imperial Propaganda*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. 254 p.
5. Transcript of General Douglas MacArthur's Address to Congress, April 19, 1951 // Harry S. Truman Library and Museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/transcript-general-douglas-macarthur-address-congress> (дата обращения: 08.04.2025).
6. Носов М. Г. *Отношения между США и Японией: История взлетов и падений (1791–2020)*. М.: Издательство «Весь Мир»; Институт Европы РАН, 2020. 416 с.
7. Бенедикт Р. *Хризантема и меч: Модели японской культуры* / пер. с англ. 2-е изд. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.
8. Yoshimoto H. *Media Treatment of World War II in Japan and the United States, 1931–1945: A Propaganda Theory Approach*. Master's Thesis. San Jose State University, 1994. 183 p.
9. Fujiki H. *Visual Historiography in Japanese Photographic Collections of the Postwar Era* // *Review of Japanese Culture and Society*. 2009. Vol. 21. P. 51–70.
10. Hirohito Calls on MacArthur In Precedent-Shattering Visit; Subject of 40-Minute 'Social' Talk at U.S. Embassy Not Revealed-Emperor Wears Top Hat, General Lacks Necktie,

Medals. By Lindsay Parrott, September 27, 1945. // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/1945/09/27/archives/hirohito-calls-on-macarthur-in-precedentshattering-visit-subject-of.html> (дата обращения: 08.04.2025).

11. Emperor, Imperial Rescript Denying His Divinity (Professing His Humanity). *Documents with Commentaries*. // *Birth of the Constitution of Japan*. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryu/03/056shoshi.html> (дата обращения: 08.04.2025).
12. Azuma S. *Speech Accommodation and Japanese Emperor Hirohito* // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8. № 2. P. 189–202. <https://doi.org/10.1177/0957926597008002003>
13. Sodei R. *Dear General MacArthur: Letters from the Japanese during the American Occupation*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. 306 p.
14. Mori K. *The Emperor of Japan: A Historical Study in Religious Symbolism* // *Japanese Journal of Religious Studies*. 1979. P. 522–565.
15. Горячева Е.А. *Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 5. С. 95–103. <https://doi.org/10.31857/S013128120001142-7>
16. Kitahara M. *Douglas MacArthur as a Father Figure in Occupied Japan After World War II* // *International Social Science Review*. 1989. Vol. 64 (1). P. 20–28.
17. Wittner L.S. *MacArthur and the Missionaries: God and Man in Occupied Japan* // *Pacific Historical Review*. 1971. Vol. 40. № 1. P. 77–98. <https://doi.org/10.2307/3637830>
18. Совастеев В.В. *Политическая культура Японии во второй половине XIX–XX в. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. 220 с.*

References

1. Suzuki T. *The Rhetoric of Emperor Hirohito: Continuity and Rupture in Japan's Dramas of Modernity*. Newcastle-Upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 180 p.

2. Akira K. *The Emperor System as Japanese National Religion: The Emperor System Module in Everyday Consciousness*. *Japanese Journal of Religious Studies*. Vol. 17. No 2/3. 1990. P. 315–340.

3. Schaller M. MacArthur's Japan: The View from Washington. *Diplomatic History*. 1986. Vol. 10. No 1. P. 1–23.
4. Kushner B. *The Thought War: Japanese Imperial Propaganda*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. 254 p.
5. Transcript of General Douglas MacArthur's Address to Congress, April 19, 1951. *Harry S. Truman Library and Museum*. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/transcript-general-douglas-macarthur-address-congress> (accessed 08.04.2025).
6. Nosov M.G. *US.-Japan Relations: A History of Ups and Downs (1791–2020)*. M.: Ves Mir Publishers; Institute of Europe RAS, 2020. 416 p. (In Russ.).
7. Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture / Trans. from English. 2nd ed.* M., SPb.: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 256 p. (In Russ.).
8. Yoshimoto H. *Media Treatment of World War II in Japan and the United States, 1931–1945: A Propaganda Theory Approach*. Master's Thesis. San Jose State University, 1994. 183 p.
9. Fujiki H. Visual Historiography in Japanese Photographic Collections of the Postwar Era. *Review of Japanese Culture and Society*. 2009. Vol. 21. P. 51–70.
10. Hirohito Calls on MacArthur in Precedent-Shattering Visit; Subject of 40-Minute 'Social' Talk at U.S. Embassy Not Revealed-Emperor Wears Top Hat, General Lacks Necktie, Medals. By Lindesay Parrott, September 27, 1945. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/1945/09/27/archives/hirohito-calls-on-macarthur-in-precedentshattering-visit-subject-of.html> (accessed: 08.04.2025).
11. Emperor, Imperial Rescript Denying His Divinity (Professing His Humanity). Documents with Commentaries. *Birth of the Constitution of Japan*. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryō/03/056shoshi.html> (accessed 08.04.2025).
12. Azuma S. Speech Accommodation and Japanese Emperor Hirohito. *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8. No 2. P. 189–202. <https://doi.org/10.1177/0957926597008002003>
13. Sodei R. *Dear General MacArthur: Letters from the Japanese during the American Occupation*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. 306 p.
14. Mori K. The Emperor of Japan: A Historical Study in Religious Symbolism. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1979. P. 522–565.
15. Goryacheva E.A. Historical Background of the Formation of the Modern Media System in Japan. *Far Eastern Studies*. 2018. No 5. P. 95–103. <https://doi.org/10.31857/S013128120001142-7> (In Russ.).
16. Kitahara M. Douglas MacArthur as a Father Figure in Occupied Japan after World War II. *International Social Science Review*. 1989. Vol. 64 (1). P. 20–28.
17. Wittner L. S. MacArthur and the Missionaries: God and Man in Occupied Japan. *Pacific Historical Review*. 1971. Vol. 40. No 1. P. 77–98. <https://doi.org/10.2307/3637830>
18. Sovasteev V.V. *Political Culture of Japan in the Second Half of the 19th–20th Centuries*. Vladivostok: Far Eastern University Press, 2004. 220 p. (In Russ.).

Информация об авторе

П.С. Костин, аспирант кафедры истории и археологии историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.

Information about the author

P.S. Kostin, Postgraduate Student, Department of History and Archeology, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University, Perm, Russia.